Музей без лаптей

> Под конец учебного года Гумбейская школа оказалась в центре внимания научного сообщества

ВСЕ НАЧАЛОСЬ в 2009, за год до празднования юбилея Победы, когда с подачи краеведческого кружка Агаповского Дворца пионеров и школьников и районного краеведческого музея гумбейская детвора взялась собирать сведения о поселковых фронтовиках.

Последнее двадцатилетие принесло столько пересмотров исторического прошлого, и люди, похоже, так изголодались по уважению или хотя бы интересу общества к прошлому, что на юных поисковиков просто обрушился вал воспоминаний старших земляков. И сразу стало ясно, что ограничить тематику краеведения военной темой не удастся: нельзя отрывать в истории села период Великой Отечественной от всего его прошлого. К тому же, в скором времени, помимо информационного багажа, поисковая работа принесла вещественные свидетельства былого. Гумбейцы, спасая историю семей от забвения, делились содержимым сараев, чердаков и красных углов: домашней утварью, фотографиями, инструментами, старинными документами.

Школьный библиотекарь и руководитель сельского краеведческого объединения «Наследники» Галина Гибнер хваталась за голову: все это богатство тянет на музей, а как его создавать, сортировать и оформлять экспозиции? Но – глаза боятся, а руки делают. В сельской школе, – когда-то семилетней, а теперь начальной, на девятнадцать малышей, – выделили для экспонатов комнату. Ее в самом скором времени уже стало не хватать, и будущий музей вырвался за пределы закрытого пространства, заняв часть коридоров и еще один кабинет. Консультантами школьного музея стали специалисты Магнитогорского государственного университета, а в основу экспозиции заложили идею воспроизведения жилья и быта спецпереселенцев – ведь Гумбейский создан ссыльными. Здесь все жители – их потомки: Боярские, Смирновы...

Любопытная деталь: в экспозиции отсутствует «основополагающий» экспонат – лапти.

– У нас в лаптях не ходили, – утверждает Галина Николаевна.

И это – говорящая историческая деталь: ссылали сюда владельцев пароходов, отар, мельниц. Может, кого и под горячую руку раскулачивали, но уж точно не случайных людей: цеплялись к хватким, мастеровитым, трудягам. Такие и до революции крепко жили, и в нищете новых условий сумели основать поселение, утвердить культуру быта. В лаптях не ходили –обувку покрепче тачали. Старушки, еще помнящие обустройство жилья в родительских семьях, воспроизвели для музея давно забытые технологии изготовления шторок «из ничего»: кружево, вырезанное из газеты, мережка из бинтов с помпонами – валяной ветошкой и ватой. Красивая тонкая работа.

Теперь уже как шутка вспоминаются первые сомнения Марии Ивановны Канунниковой: мол, неловко выставлять свою нищету напоказ – ведь многие устаревшие предметы до сих пор в обороте не от хорошей жизни. Она свои сомнения преодолела и стала первым дарителем музея: чайник на цепочке, емкость для керосина, нарисованный на клеенке ковер, раскладная кровать, над которой ахали городские специалисты – ни в одном музее такого не видели, – все ее дары. Сын даже специально отреставрировал кое-что для школьного музея. После были изделия уже покойного мебельщика Ивана Красильникова, частично сохранившиеся у внучки Елены Хасановой и односельчан. Кожаный диван, этажерку красильниковской работы Елена Васильевна подарила музею, добавив к ним салфетки и плюшевые шторы, подушки и шторы-задергушки. Зинаида Александровна Петрова передала музею бабушкин сундук, мамину швейную машину, прялку. Взволнованные воспоминаниями старушки признаются, что диалоги с поисковиками так погружали в прошлое, что оно представало живым.

– Иной раз думаешь: у мамы спрошу, как той вещью пользовались, как эту изготавливали. И спохватишься: мамы-то нет давно.

Галина Гибнер – теперь уже основатель и хранитель музея – мобилизовала всех знакомых для восстановления коллективной памяти села, разыскала даже в городе подругу покойной матери, расспросила ее. Сформировался и свой отряд поисковиков. Пятнадцатилетняя Розалия Аюпова раздобыла старые фотографии односельчан, разузнала, кто на них изображен, восстановила истории целых династий. Ее исследование признано одним из лучших в областных и районных краеведческих конкурсах. Братья Максим и Кирилл Карнаухов – потомки мебельщика Александра Карнаухова – написали работу об истории своей семьи, тоже отмеченную на конкурсах. Влад Землянский знает своих предков по обеим линиям до седьмого колена, не отстает от старших поисковиков, дедов кисет музею подарил. Надя Зайнакаева уже спрашивает Галину Гибнер, когда будут учить на экскурсовода: им есть что рассказать.

С такими помощниками можно расширять тематику исследовательской работы – например, о войнах. Есть о чем расспросить блокадницу Нину Владимировну Богатырь, осиротевшую в голодном Ленинграде и вывезенную оттуда ребенком. У Марии Канунниковой отец – участник империалистической, есть свидетельства. Бывший учитель труда Гумбейской школы Амир Ямалов – «афганец», выпускники Асылхан Миндияров и Николай Сычев – «чеченцы», награждены, ранены. В музее накапливается материал и о них.

То, что узнали гости со всей России – стало открытием Америки

И вот уже сельчане просят Галину Гибнер провести для них экскурсию по музею: мол, родственники издалека приехали, просят. Мария Канунникова и Зинаида Петрова при всяком удобном случае приводят сюда родню. Асылбек Миндияров – брат «чеченца» Асылхана, чьи грамоты стали частью экспозиции, по полтора часа проводит в его крохотных залах. Агаповский музей просил поделиться экспонатами – не отдали: все – гумбейское, здесь и останется.

Специалисты лаборатории народной культуры МаГУ чуть за сердце на хватались, наезжая в музей. У них был записан единственный куплет песни «Собирались казаченьки на колхозном на дворе», без нот – а тут старушки напели целую песню: весь текст, живое исполнение. У Галины Гибнер сохранилась бабушкина тетрадка с песнями, приметами – теперь это тоже музейный экспонат. Вузовцы затребовали копии тетрадок – это же народное творчество без прикрас. С их подачи большая делегация пожаловала в школьный музей в рамках научно-практической конференции «Фольклор и литература в историческом и типологическом аспектах», организованной филфаковской лабораторией народной культуры. Кроме магнитогорцев в составе делегации – петербуржцы, уфимцы, ростовцы, омичи, пермяки, поляки – доктора и кандидаты наук.

– Думали, обустроим музей не спеша, по-домашнему, а тут такие высокие гости, – растерялись хранитель музея Галина Гибнер и директор школы Светлана Лавритова. – Как их принимать, что показывать?

Рассудили, что удивить все равно ничем не смогут: чего городские в деревне не видали? Как планировали, так и организовали: по-простому. И – удивили как нельзя больше. На входе – подарок: рукодельные гвоздички, без каких ни один советский праздник не обходился. Перед музейной комнатой вокальный дуэт – Гульнара Карамутдинова и Миниса Молчанова – встретили гостей забытой песней «Два сокола» про Ленина и Сталина. То, что рассказывала Галина Гибнер, – для многих вообще открытие.

– Были ли смешанные браки? – задавали приезжие вопросы, ответы на которые очевидны в наших местах, перемешавших огромные пласты человеческого материала.

– Это для вас достаточно наивно? – в свою очередь, спрашивала об экспозиции Светлана Лавритова, скромно вуалируя самобытность малой родины под наивность.

– О! – не скрывали восторга гости.

А после осмотра экспозиции и архивов, вопросов и ответов, хозяева еще долго не могли зазвать гостей на скромное угощение.

– Все «сидят» на материалах, – смущенно отчитывалась Галина Гибнер перед кухонными, застывшими в ожидании у накрытых столов. – Записывают на диктофоны, фотографируют, рассматривают.

В самом деле, героями этого часа стали сельчанки, поделившиеся историей семьи. Их просили напеть, рассказать, вспомнить устройство, перечислить. За столом приезжие снова удивлялись забытому вкусу натурального молока, выпечке со сладкой начинкой из кислятки с сахаром и обыкновенной карамельки.

А Нина Михайловна Харитонова, проработавшая в Гумбейской школе – тогда еще школе-интернате – тридцать лет и тоже принимавшая участие в подготовке встречи, вздыхала:

– Как бы папа порадовался: умер, не дождавшись реабилитации.

Долго прощались на крыльце: что-то доспрашивали напоследок, уговаривали сельчанок сфотографироваться на крыльце вместе с делегацией, поочередно снимали на десяток фотоаппаратов для каждого из гостей. Ощущение было: школьный музей и представители науки разговаривали на равных – недаром кто-то обронил, что музей уже можно считать гумбейским брэндом.

У маленького музея большие планы. Надо участвовать в конкурсах, организовать для поисковиков экскурсии в районный краеведческий музей, отправиться на бажовский фестиваль, в Аркаим. Самой школе есть что осветить в собственном прошлом: здесь действовал пионерский лагерь, интернат, ходили в походы, вели селекционную работу на пришкольном участке. Добрую память оставила о себе недавно умершая Мария Ивановна Долгушина, долго возглавлявшая учебное заведение. В селе надеются, что удастся назвать школу ее именем. Здесь не забывали прошлое, просто ждали, когда память снова станет востребована

АЛЛА КАНЬШИНА

> Помнить – это все равно что понимать, а чем больше понимаешь, тем больше видишь хорошего. Максим ГОРЬКИЙ